

Розов В

2/1-1984

ОБЩЕСТВА КУЛЬТУРЫ
г. Москва

2 ФЕВ 1985

ЭТО ЦЕЛАЯ поэма! И счастливая, и печальная.

С каким энтузиазмом, с какой энергией, заботливостью, по-муравьиному, по-пчелиному, по-птичьи строили писатели свой поселок «Московский писатель»! Да, да, именно так, тщательно, неутомимо и любовно вьет птица свое гнездо. Какое стояло оживление!

Кооперативная контора помогала мало и плохо. Каждый нес свою ношу на собственных плечах. Таких «избранных», как я или Константин Михайлович Симонов, пожалуй, не было.

К моему первому посещению поселка, вернее, территории, отведенной государством для строительства, существовали два завершённых здания. Дача Семена Кирсанова, похожая на старую часовню, примостившаяся к боку однодневного дома отдыха Министерства промышленности, построенного с размахом и вкусом. Здесь были и тихие обширные пруды, и искусственные островки на реке Десне, вишневые мосты и беседки, и, главное, спокойное и величественное здание, возвышавшееся на высоком берегу; и сбегаящая вниз каскадом лестница, обсаженная по бокам розами, кустами сирени, и дорожки сквозь вековые еловые или липовые аллеи, и цветы, цветы, цветы! И все это именно для трудящихся. Мы часто ходили гулять в это современное Кусково или Шереметьево, а вечером смотрели кинофильмы в красном клубе этого же дома отдыха.

Давно нет океана цветов, прогнили доски висячих мостиков, замусорены аллеи, замечательный клуб-кинотеатр почему-то заброшен и разваливается буквально на глазах, и ветер гуляет сквозь выбитые его окна. Почему-то хозяева перенесли место действия в другой край и настроили свежие здания, хорошие, но, пожалуй, более казенные.

И еще была готова дача Михаила Ильича Ромма. Она стояла (и стоит) как раз напротив участка, где предстояло поселиться мне. Три эти дачи стояли как бы на трех углах квадрата участка, и по ним все ориентировались. Дорог не было, воды не было, электричества не было. Густой подлесок и глина, покрытая тонким слоем плодородной земли. Обилие грибов всех сортов — и белые, и подосиновники, и подберезовики, и рыжики, и волнушки, о сырешках и не говорю!

Трудная, но все равно радостная пора застройки поселка напоминала весну. Все пробуждалось, звенело, наливалось соками, тянулось к солнцу и теплу.

Года через полтора поселок явился миру. Все ухожено, огорожено неплотными заборами — подлесок расчищен, и всюду яркими пятнами мелькают цветы — белые, красные, оранжевые, фиолетовые, лунцовые. Не поселок, а праздничный стол! Потом и дороги проложили, и электричество провели, и водопровод, и даже газ! Все появилось не сразу, а годами.

Я в этом поселке живу уже более четверти века, стал свидетелем и его осени, его увядания. Это же целая грустная элегическая поэма!

Юные тоненькие нежно-розового и белого цветения яблони разрастались, обильно украшались яблоками. Потом стволы этих яблонь становились толще и толще, покрывались морщинами коры, плодоносность становилась неполной. Толщина стволов увеличивалась, они трескались, смазывались глиной или чем-то черным вроде битума. Приходилось лечить. И в конце концов стволы топорили звенела пила. Деревья падали, и в воздухе образовывалась дыра, невосполненное пространство. Аллея и цветочные клумбы все уменьшались в разме-

Виктор Розов

ЛИВЕНЬ НАД САДОМ

рах, красок становилось меньше, а дикие травы с яростью брали свои, когда-то отнятые права и разрастались с мстительной силой. Старейшие энтузиасты продолжали из последних сил бороться с нею, но лопухи, крапива, пырей, иван-чай, подорожник и миллионы одуванчиков хохотали и победно кружили свой хоррор.

И Я, ПОДОБНО многим своим собратям, поначалу опростоволосился украшать свой сад.

Нет, плодовые деревья и кусты меня не интересовали, я всегда был влюблен в цветы с детства. Еще в Костроме в 1923 году девятилетним мальчиком я на развалинах каких-то бывших до революции кирпичных строений в нашем дворе устроил маленький цветник, прямо на кирпичной крошке. Я корзинкой таскал плодородную землю с так называемого Маленького бульварчика — остатков земляного вала, когда-то обнесившего город, — и сажал только нехитрые маргаритки и анютины глазки. И дома на подоконнике тоже устраивал свой «ботанический сад».

Помню, в той же Костроме вынес я выкопанный мною бальзамин на балкон под дождь, чтобы напоить его именно дождевой водой, а хлынул такой ливень, что сломал верхушку цветка. Я подхватил плошку, внес в комнату и залился горячими слезами. Мне было его жаль, казалось, ему больно, как совершенно живому существу.

Должен признаться, у меня и сейчас в Москве много цветов. Увлекаюсь амариллисами, но есть и другие, в том числе герань. Когда-то какой-то глупый человек олицетворял герань с символом мещанства. Видимо, это был рациональный и жестокий человек. Ну как любой цветок может быть символом мещанства!

Так вот, на своем участке я посадил и штамбовые розы, которые цвели умопомрачительными букетами. Не без основания соседка называла их страусами. И тюльпаны, и нарциссы, и флоксы, и пионы всех оттенков — от снежно-белых до глубоко-бордовых, чуть не черных. И, конечно, те же нехитрые анютины глазки, маргаритки, настурции, даже глицинны.

Когда в поселке развернулось «соревнование», кто роскошнее украсит свой участок, пожалуй, только Константин Михайлович Симонов не принял в нем участия. На его участке рос еловый густой лес. Так он стоит и поныне.

Быть свидетелем цветения, а потом увядания грустно. Но все же и любопытно. Как те яблони, о которых я написал, с такой же быстротой старели и люди. Морщились лица, слабели ноги, и в поселке стали подумывать о докторе. Как летит время! Как все совершается быстро и неотвратно...

Неподалеку от меня жил Павел Григорьевич Антокольский, поэт большой силы и человек вулканического темперамента. Когда Павел Григорьевич выступал или даже что-либо рассказывал, эмоциональная лава извергалась со все сотрясающей мощью. Для меня он был живой классик, так как имя его звучало у меня в ушах и в моем раннем детстве.

Меня всегда удивлял облик Антокольского. Невысокого роста, сухопарый. Пламенно горящие глаза на черном лице. Такого черного лица

я, пожалуй, ни у кого и не встречал. Как во многих из людей, чья юность пала на бурные десятилетия и двадцатые годы нашего века, в нем до самого конца кипела такая раннекомсомольская ключевая сила.

А слева от Антокольского жил Владимир Захарович Масс, с которым я просто-напросто сдружился, хотя разница в годах была немалая. Владимир Захарович всегда принимал нас с женой, а то и с детьми, радушно, угощал яблоками «собственного производства» или чаем с вареньем, тоже изготовленным из ягод, созревших тут же около дома на грядках. Но главное, чем «угощал» нас Владимир Захарович, это его картины. Мало того, что он был драматург, прозаик, поэт, сатирик, он был интереснейшим живописцем. Рисовал он много и очень выразительно. Может быть, он не был профессионалом в академическом смысле, да, увлечение его было любительским, но что в его живописи присутствовал дар божий, для меня бесспорно. Выставка его работ в Доме литераторов имела славный успех.

И мне подарил Владимир Захарович три свои работы, в том числе сделал портрет моей дочери Татьяны, когда ей было два-три года. И вот удивительно: когда портрет Тани был готов, мне, откровенно говоря, изображение не показалось схожим с оригиналом, но прошло несколько лет, и маленькая Таня на портрете стала точно по сути и по виду похожей на самое себя тех же лет. Какое это волшебство! Какую-то суть девочки увидели тогда глаза художника.

Если бы сейчас выставить все живописные произведения Владимира Захаровича, то можно было бы подивиться, как многое в жизни ему хотелось сказать, запомнить, запечатлеть.

И разговаривать с Владимиром Захаровичем было всегда интересно. Ведь он близко знал и Станиславского, когда писал для Художественного театра пьесу «Сестры Жерар», и Мейерхольда, и Немировича-Данченко, Маяковского, Есенина, полмира сверкавших талантов двадцатых годов.

И еще одной драгоценной чертой обладал Масс — доброжелательностью. С такими людьми тебе всегда хорошо. Говоришь с ними и будто греешься на солнышке.

Со многими в поселке я был знаком, что называется, шапочно. С самого начала между нами было джентльменское соглашение — не ходить друг к другу в гости, чтобы не мешать работе. Наши дачи в первую очередь считались рабочим местом. И это было именно так. Москва со своими бесчисленными делами, без умолку дребезжащим телефоном, непрерывными посетителями да просто уличным гулом — для многих малопоходящее место для работы, — невозможно сосредоточиться. Я написал «для многих», так как лично мне все это почти никогда не мешало. Я обладал счастливым свойством отключать уши, если в уме вертится что-то соблазнительное для работы. Думаю, буду обладать этим свойством и в дальнейшем. Писатели, которым мешает даже карканье ворон, вызывают у меня подозрение.

В ПРОЧЕМ, я не только допускаю, но всегда стараюсь считаться со свойствами других людей. Совсем не хочу походить на других людей и был бы в ужасе, если бы другие походи-

ли на меня. Разнообразие — вот радость жизни. Киплинг заметил еще лучше: «Нас привлекает только новое, если старое не достигло степени любви». На даче писать хорошо, но можно понять и Флобера, который задерживал шторы на окнах своей виллы в Круассе, так как считал, что природа подчеркивает бессмысленность его труда.

Нет, нет, на даче всегда хорошо — и когда работаешь, и когда копаешься в земле, и когда просто сидишь на крылечке и видишь мир.

У моего сына Сергея было много приятелей, и у меня в доме и во дворе стоял тот юный звонкий гомон, который всегда дорог моему сердцу. Приятелей у Сергея было человек восемь — двенадцать. Мне это никак не мешало ни работать, ни отдыхать, хотя вели они себя иногда очень шумно.

Если добавить к этим ребятишкам еще огромное количество родных моей жены — тетю Маню, тетю Катю, тетю Любу с мужем, тетю Веру, ее сестру с мужем, брата с женой и всех племянников, которые тоже каждое лето отдыхали у меня, то кто-нибудь из читающих ахнет и скажет: «Да как вы могли вынести все это!». А я отвечу: «Был моложе. И люблю все эти шумные молодые и даже старые компании».

В угловой даче сейчас живет Эльдар Рязанов, замечательный кинорежиссер, автор сценариев и отменный ведущий по телевидению «Кинопанорамы», и человек, по-моему, славный. А дачу эту построил Роман Кармен, кинооператор знаменитых в свое время хроник. Хотя Кармен часто и подолгу уезжал в экспедиции, все же на даче бывал нередко. Сухонький и жилистый, он, казалось, был запрограммирован на долгую жизнь...

А рядом с дачей Кармена жил мой друг Михаил Червинский. Он работал в соавторстве с Массом тоже как драматург и как поэт-сатирик. Ах, какой замечательный был человек! Ну, не знаменитый писатель, нет. И что? Человек прекрасный. Это тоже на вес золота. Вот у него я бывал часто. И он у меня. Беседы сердечные, легкие, веселые, даже если костерили кого-нибудь на все корки, — писатель ведь всегда или от всего в восторге, от какой-нибудь ерунды, или все ему опротивело, мечет грома и молнии и обрушивает «цунами» на сущий пустяк. Люди своеобразные. Помните стихотворение Александра Блока, посвященное писателям:

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой...

Перечитайте это стихотворение. Оно называется «Поэты». Я помню его с ранних лет, когда еще и в уме не мелькало, что сам буду жить в писательском доме на улице Черняховского и в писательском поселке на Красной Пахре.

...Следующая дача моя. А после моей последняя дача, в которой жил кинодраматург Исаев Константин Федорович.

Я перечислил все дома по нечетной стороне нашей улицы под названием Восточная аллея и вижу: остался один я. Но ведь я написал только об одной улице, да и то всего-навсего об одной ее стороне.